

ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИСКУРСА

Ольга А. Нестерова
Высшая школа экономики – Москва

Аннотация. В статье обосновывается эффективность применения гендерного подхода к исследованию российско-китайского межкультурного взаимодействия. Проанализированы оппозиции «гендерного» типа, которые выявляются при сравнительном изучении культур России и Китая и играют большую роль в формировании «образа другого».

Keywords: gender, intercultural communication, discourse, intercultural dialogue, Russia, China

Россия и Китай имеют богатую и продолжительную историю политических, экономических и культурных контактов, но при этом представляют собой в духовном, мировоззренческом, этико-эстетическом и социокультурном планах кардинально отличающиеся друг от друга системы, существующие на собственных основаниях, определяющих их специфичность и уникальность, и развивающиеся в соответствии с их собственной внутренней логикой. В выстраивании стратегий и тактик российско-китайской межкультурной коммуникации огромную роль играет фактор сходства и различия взаимодействующих культур.

С позиций современной цивилизационной теории, граница между Россией и Китаем рассматривается не только как «граница межгосударственная, политическая, но и единственная на планете и очень протяженная естественная граница между европейским и восточноазиатским миром, вдоль которой в 90-е гг. XX в. происходили процессы интенсивного межцивилизационного взаимодействия»¹⁾.

Интенсивные контакты между представителями двух различных культурных миров, устанавливаемые в связи с экономической и политической необходимостью на рубеже XX и XXI вв., выявили глубинные различия, которые повлияли на характер коммуникации, формирование стереотипов и мифов взаимного восприятия. Как отмечают современные российские исследова-

тели, не просто отличными, но и во многом противоположными оказались «ценности, идеалы, приоритеты политической, общественной и духовной жизни двух цивилизаций – славянской и конфуцианской»²⁾.

Европейские исследователи культуры Китая, выявляя особенные и необычные для их соотечественников характеристики образа жизни, быта, мировоззрения, мировосприятия, традиций и верований, прежде всего подчеркивали их *противоположность* по отношению к привычной западной культуре. Современные культурологи-востоковеды утверждают, что цивилизационные и культурные различия настолько глубоки и серьезны, что являются причиной многочисленных проблем межкультурной коммуникации. Они говорят о взаимной непроницаемости русской и китайской культуры, об их обоюдной устойчивости перед взаимопроникновением, смешением и синтезом: «Многие факты свидетельствуют, что две цивилизации – славянская и китайская – не поддаются взаимной ассимиляции, не смешиваются, что порождало и порождает в процессе их взаимодействия множество проблем этнокультурного характера»³⁾.

В конце XIX в. «закрытость» и устойчивость китайцев перед иноземным влиянием (даже в том случае, если группа китайских соплеменников находится внутри иного этно- и социокультурного пространства) порождала определенные трудности при общении российских властей с ними на Дальнем Востоке России. Отмечалось, что китайская диаспора «воспринималась <...> как инородное образование, плохо подчиняющееся российским законам, живущее недоступной для посторонних взоров и малопонятной внутренней жизнью и не поддающееся ассимиляции»⁴⁾.

Осознание очевидных различий в культурах позволило востоковедам сделать вывод о том, что «Восток – понятие не столько географическое, сколько культурно-историческое. Культурно-цивилизационная самобытность России также не способствует ее внедрению в восточноазиатское сообщество»⁵⁾.

С другой стороны, нельзя не отметить ярко выраженную и исторически апробированную способность китайской культуры к поглощению иных культур без существенных изменений собственной. В начале XX века в пекинской газете «Синьминь цунбао» (органе реформаторских кругов, возглавляемых Кан Ювэем и Лян Цичао) можно было прочесть: «Наше племя (цзу) ханьцев сильно тем, что оно всегда ассимилировало другие племена, оно никогда не было побеждено иноплеменниками»⁶⁾.

Для того чтобы выявить, обозначить и проанализировать наиболее существенные различия между русской и китайской культурами, способные при неадекватном их восприятии или незнании помешать плодотворной межкультурной коммуникации (в идеале – диалогу культур), либо свести ее к одностороннему доминированию какой-либо стороны, необходимо выявить базовые, доминантные смысловые оппозиции, способствующие межкультурной

коммуникации (или затрудняющие ее). К одним из важнейших культурных оппозиций, влияющих на конструирование «образа другого», его оценку и отношение к нему относятся оппозиции так называемого «гендерного типа».

В европейской и китайской культуре противопоставление «мужчина – женщина» относится к *архетипической* дихотомии, в основе которой изначально лежат биологические особенности, обуславливающие различия в социокультурных функциях обоих полов. О. Шпенглер связывал гендерную дихотомию с «непостижимой тайной космических перетеканий»⁷⁾. Такое отношение к разделению и взаимодействию двух противоположных начал мироздания и человеческой жизни уходит своими корнями в древнейшие представления людей о сущности и структуре мира и специфических энергиях порождения. Китайская философская традиция в качестве таких энергий выделяет *Инь* и *Ян*.

Благодаря оппозиции «мужское – женское» в культурный дискурс вводятся сопряженные с ней другие дихотомические пары, например, «сильное – слабое», «прогрессивное – регрессивное», «традиционное – новаторское», «природное – историческое», «телесное – духовное», «рациональное – эмоциональное» и т.д.

Дихотомия «мужское – женское» может являться основанием для исследования российско-китайской межкультурной коммуникации по нескольким причинам:

во-первых, данная смысловая оппозиция является наиболее древней, архетипической, нашедшей свое образное, символическое и метафорическое отражение во всех известных нам культурах мира;

во-вторых, широко представленная в коллективном бессознательном и коллективных представлениях культурных сообществ нашей планеты, данная дихотомическая пара имеет очевидную генетическую связь с древними этапами развития языков и систем мышления, в которых представлена «матрица», упорядочивающая окружающий человека природный и социальный мир;

в-третьих, в ней целиком отражается главная проблема, решаемая любой культурой, – проблема адаптации, выживания и воспроизведения человеческого общества, проблема передачи культурной традиции в рамках бинарного смыслового, символического кода.

Дихотомия «женское – мужское» выступает как инструмент при сопоставительном исследовании культур в контексте их межкультурной коммуникации для выявления особенностей обеих сторон и при моделировании сценариев их взаимодействия. Образы «мужского – женского» связаны и с самопозиционированием культуры. Согласно взглядам известного культуролога Г.Гачева, «соотношение *Мужского* и *Женского* начал (китайские Ян и Инь) специфичны в каждом национальном космосе»⁸⁾. Г. Хофстеде⁹⁾ в своих кросскультурных исследованиях выявил различия, позволяющие говорить о существовании «маскулинных» и «феминных» обществ. И.С.Кон обращает

внимание на то, что введенные в научный оборот Г. Хофтеде категории являются не психологическими, а *культурно-антропологическими*, так как «они фиксируют различия не между индивидами, а между странами (культурами), населению которых они предъявляются в качестве подразумеваемых нормативных ориентиров, с разной степенью выраженности. Одна и та же страна может быть «феминной» по одному параметру и «маскулинной» по другому, не говоря уже о классовых и иных социально-групповых различиях»¹⁰⁾.

«Женское» и «мужское» являются оценочно-нейтральными категориями. Рассуждать о том, какая из культур лучше, жизнеспособнее, перспективнее – с преимущественными особенностями «женского» или «мужского» типа – бессмысленно в той же степени, что и выяснить, кем лучше родиться и прожить жизнь на этой земле – мужчиной или женщиной. Разделение культур на «мужские» и «женские» – всего лишь *методологическая абстракция*, позволяющая нам выявить в различных культурах противоположное и сравнить их по одному основанию.

Когда мы говорим о том, что та или иная тенденция – «мужское» или «женское» начало – доминирует в данной культуре и определяет ее сущность и лицо, это означает, что в культуре (у большинства носителей этой культуры, независимо от их пола) превалируют (по сравнению с большинством носителей другой культуры, независимо от их пола) модели так называемого «мужского» или «женского» поведения и особенности отношения к миру, природе и обществу. Следует, однако, учитывать, что то, что носителем одной из культур считается «мужским», вполне может быть воспринято как «женское» представителем другой культуры. Прежде всего, это касается области разрешения конфликтов.

Существует достаточно устойчивый стереотип, что культура России является «женской» в противоположность «мужскому» Востоку. Современные отечественные культурологи подчеркивают: «Россию символизирует женщина, так как именно ей принадлежит исключительная роль в жизни нашей страны. Так, англичанин С. Грэхем, описывая место женщины в российском космосе, заключает: “Россия сильна женщинами”. Иной раз подобные настроения находят выражение в вере в некую сотериологическую миссию русской женщины, в идее женского мессианизма. Женщина становится символом национального спасения: “Россию спасет Женщина”, “Россию спасет Мать”»¹¹⁾.

Выделяя особенные черты русской женщины («физическкая и нравственная сила, забота, жалость, жертвенность, асексуальность»), исследователи подчеркивают, что все указанные черты относятся к *архетипу матери*. Данный архетип объективируется в идеальный образ, наделенный такой мощной силой, которая формирует особый тип женственности, в котором, как отмечает О. В. Рябов, «сила русской женщины развита в ущерб ее женственности»¹²⁾.

Во взаимном восприятии носителями китайской и русской культуры необходимо выделить компонент *отношения* к другому как воплощающему собой

«женское» или «мужское». За длительный период контактов между представителями обеих стран на разных уровнях – от дипломатов до купцов, от военных до обычных граждан – сформировались определенные стереотипы взаимного восприятия, представляющие эмоционально окрашенные образы друг друга¹³⁾. Если выделить в этих образах «мужскую» и «женскую» составляющую, то мы увидим, что китайцы в различные периоды взаимодействия с русскими, особенно во время обострения политической обстановки, склонны были акцентировать внимание на «мужской» доминанте поведения русских (в рамках противопоставления «культура (цивилизация) – природа (варварство, дикость)»; а русские – отмечать «женскую» модель поведения китайцев и «женственность» в их национальном характере.

Часто, с точки зрения русских, китайцы своим поведением демонстрируют «женские» черты поведения и мышления: «косность», «подозрительное отношение к нововведениям и изменениям», «коварство» и т.д. Среди отрицательных качеств, приписываемых представителям китайского народа, русские часто подчеркивали те, которые можно отнести к «женским»: «Преобладающие дурные качества в китайце суть: раздражительность, скрытность, коварство, вероломство, мстительность, жестокость. Сии качества находятся в каждом в одной степени с его образованностью: но только при долговременном наблюдении можно заметить оные»¹⁴⁾. «Женственность» поведения китайцев в конфликтных ситуациях выявляли и другие соседи Китая. Так, в киргизском героическом народном эпосе «Манас» о коварстве и вероломстве китайцев, свойственным скорее женщинам, нежели мужчинам, сказано: «Кытай лебез менен мууздайт» («китайцы режут не ножом, а ватой»).

В таблице 1 представлены основные признаки, с помощью которых нами выявляются противоположные гендерные модели отношения к миру, обществу и личности, а также обусловленные этими моделями поведенческие и коммуникативные установки носителей русской и китайской культуры.

Таблица 1

Мужское	Женское
Стихия	Форма
Активность, стремление к экспериментированию, поиск	Пассивность, отбор пригодного
Абстрактность	Конкретность
Логика	Здравый смысл
Центробежность	Центростремительность
Прогресс	Порядок

Устремленность в будущее	Опора на мифологическое и историческое прошлое
Развитие	Традиция
Движение	Покой (неподвижность)
Личность	Общество, государство
Состязательность	Примирение
Мессионизм	Срединность
Ослабленное чувство самосохранения	Ярко выраженное чувство самосохранения
Импульсивность мышления и поведения	Стратагемность мышления и поведения
Карнавал внутренний (как состояние души)	Карнавал внешний (как традиционный праздник, ритуал)
Эмоциональность	Разумность
Солярность мифологическая	Лунарность мифологическая

Гендерные стереотипы при взаимном восприятии русских и китайцев порой связываются некоторыми исследователями с особенностями национального характера, обусловленными географическим фактором. Этот подход является одним из весьма ярких способов трактовки и некоторых аспектов межкультурной коммуникации. Например, по мнению Г. Гачева, «КУЛЬТУРА есть прилаженность – человека, народа, всего натворенного ими, выплетенного за срок жизни и историю, – к тому варианту ПРИРОДЫ, который ему дан. <...> Культура есть любовь Народа к Природе своей в супружестве Истории»¹⁵⁾.

Гендерные диспозиции позволяют уже на ранних этапах развития культуры этноса расширить опыт межкультурного взаимодействия в координатах архетипов «свой – иной – другой – чужой» за счет их редукции к архетипическим отношениям «господства – подчинения».

Китайская культура за длительный период своего существования выработала собственные идеалы мужчины и женщины: «мужчина-мудрец» и «девушка-подросток». В мужчине более ценными признаются такие качества, как мудрость, интеллект, знание, жизненный опыт, в женщине – способность подчиниться мудрому мужчине и его семье. Недаром китайских мужчин называют «идеальными мужчинами»: они, в противоположность европейским мужчинам, ориентированы преимущественно не на внешний мир, а прежде всего на собственную семью и дом. Китайская культура тысячелетиями создавала именно этот тип мужчины и соответствующий ему традиционный тип китайской женщины, которая заботится о мужчине в его доме и неукоснительно следует нормам «женского» поведения.

Гендерный подход к исследованию закономерностей и особенностей развития межкультурной коммуникации между Россией и Китаем позволяет выявить степень обусловленности гендерных моделей поведения особенностями

структурирования и репрезентации во взаимодействующих культурах «женского» и «мужского» начал, которые, в свою очередь, понимаются как крайние полюсы смыслообразующей оппозиции, обуславливающей специфику самопрезентации и восприятия другой культуры в процессе их межкультурного диалога.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI в.).* М.: Восток-Запад, 2005. – С. 350.
2. Там же.
3. Там же. – С. 352.
4. *Ларин А.Г. Указ. соч. – С.37.*
5. Цит. по кн.: *Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI в.).* – М.: Восток-Запад, 2005. – С. 24.
6. Цит. по кн.: *Жемчугов А.А. Китайская головоломка.* – М.: ОЛМА-ПРЕСС; ОАО ПФ «Красный пролетарий», 2004. – С. 25 – 26.
7. *Шпенглер О. Закат Европы.* В 2-х т. – М.: «Мысль», 1992. – Т.2. – С. 340.
8. *Гачев Г. Ментальности народов мира.* – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – С. 20.
9. *Hofstede G. and Associates. Masculinity and Femininity. The Taboo Dimension of National Cultures.* Sage Publications, 1998. – Р. 16 – 17.
10. Там же. – С. 217.
11. *Рябов О.В. Миф о русской женщине в отечественной и западной историософии // Филологические науки.* М., 2000. – №3. – С.28.
12. Там же. – С. 31.
13. См. подробнее: *История России: Россия и Восток / Сост. Ю.А. Сандулов.* – СПб.: Лексикон, 2002.
14. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. – СПб., 1840. – С. 387.
15. *Гачев Г. Ментальности народов мира.* – М.: Эксмо, 2003. – С.30.

ЛИТЕРАТУРА:

- Гачев, Г. (2003). *Ментальности народов мира.* Москва.
Жемчугов, А.А. (2004). *Китайская головоломка.* Москва.
Сандулов, Ю.А. (2002). *История России: Россия и Восток.* Санкт-Петербург.
Бичурин, Н.Я. (1840). *Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение.* Санкт-Петербург.
Ларин, В.Л. (2005). *Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI в.).* Москва.
Рябов, О.В. (2000). Миф о русской женщине в отечественной и западной историософии. *Филологические науки.* №3. Москва.
Шпенглер, О. (1992). *Закат Европы.* В 2-х т. Т.2. Москва.

Hofstede, G. (1998). *Masculinity and Femininity. The Taboo Dimension of National Cultures*. Thousand Oaks CA: Sage Publications.

REFERENCES

- Gachev, G. (2003). *Mental'nosti narodov mira*. Moskva.
- Zhemchugov, A. A. (2004). *Kitayskaya golovolomka*. Moskva.
- Sandulov, Yu. A. (2002). *Istoriya Rossii: Rossiya i Vostok*. Sankt-Peterburg.
- Bichurin, N. Ya. (1840). *Kitay, yego zhiteli, nравы, обычаи, просвещение*. Sankt-Peterburg.
- Larin, V.L. (2005). *Rossiysko-kitayskiye otnosheniya v regional'nykh izmereniyakh (80-ye gody KHKH – nachalo KHKHI v.)*. Moskva.
- Ryabov, O.V. (2000). *Mif o russkoy zhenshchine v otechestvennoy i zapadnoy istoriosofii*. Filologicheskiye nauki. №3. Moskva.
- Shpengler, O. (1992). *Zakat YEvropy*. V 2-kh t. T.2. Moskva.
- Hofstede, G. (1998). *Masculinity and Femininity. The Taboo Dimension of National Cultures*. Thousand Oaks CA: Sage Publications.

GENDER APPROACH IN STUDYING INTERCULTURAL DISCOURSE BETWEEN RUSSIA AND CHINA

Abstract. The article shows gender approach in cultural interaction between Russia and China. Oppositional “gender” types, revealed through comparative analysis of Russian and Chinese culture, are being studied.

✉ **Dr. Olga A. Nesterova, Assoc. Prof.**

School of Asian Studies
Department of Civilizational Development of the East
Higher School of Economics
Moscow, Russia
E-mail: onesterova@hse.ru